

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

Изъ писемъ А. П. Чехова.

Въ „Петерб. Дневн. Театрала“ напечатаны отрывки изъ писемъ А. П. Чехова къ А. Н. Плещееву.

Опубликованіе этихъ писемъ не противорѣчитъ взглядамъ, которыхъ держался покойный: въ одномъ изъ писемъ онъ самъ говоритъ, что не понимаетъ, почему нельзя нарушать „гончаровской заповѣди“, воспреещающей оглашать переписку писателей раньше, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ.

Чеховъ любилъ писать письма и писалъ ихъ много.

Письма эти очаровательны.

Словно бесѣдуешь съ Автономъ Павловичемъ. Въ нихъ онъ, какъ живой: остроумный, съ добродушной шуткой на устахъ, безконечно скромный, сильный, какъ художникъ, безпомощный, какъ ребенокъ, въ практическихъ дѣлахъ.

Вотъ Чеховъ шутливо „просить“ А. Н. Плещеева, какъ предсѣдателя петербургскаго театральна-литературнаго комитета, объ одобреніи его пьесъ къ представленію.

Милый Алексѣй Николаевичъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбой! На сихъ дняхъ Жанъ Щегловъ (И. Л. Леонтьевъ-Щегловъ) притащитъ къ вамъ мою одноактную пьесу „Калхасъ“ или „Лебединая пѣсня“. Нельзя-ли прочесть ее въ литературномъ комитетѣ и пропустить? Достоинства въ пьесѣ отсутствуютъ; значенія ей я не придаю никакого, но дѣло въ томъ, что Ленскому хочется во что бы то ни стало сыграть ее на Малой сценѣ. Прошу не столько я, сколько Ленскій. Если же не пропустите, то на томъ свѣтѣ вамъ достанется отъ Люцифера и ангеловъ его, а же лично ничего не буду имѣть противъ. Власть ю же даде вамъ Богъ, я читаю и прекословить ей не стану. Если когда-нибудь я буду членомъ комитета, то буду налагать veto безжалостно.

Вотъ „просьба“ объ „Ивановѣ“:

Надѣюсь, ради вдовы моей и дѣтей, вы сжалитесь надъ бѣднымъ „Ивановымъ“ и не забракуютъ его въ комитетѣ. Я еще не женатъ, но пьесы пишу исключительно для вдовы, такъ какъ рано или поздно не миную общей участи и женюсь.

„Ивановъ“ одобренъ, и Чеховъ пишетъ о страданіяхъ драматурга при постановкѣ:

Раньше своей пьесѣ я не придавалъ никакого значенія и относился къ ней съ снисходительной ироніей: написана, молъ, и чортъ съ ней. Теперь же, когда она вдругъ неожиданно пошла въ дѣло, я понялъ, до чего плохо она сработана. Последний актъ поразительно плохъ. Всю пьесу я возился надъ пьесой, строчилъ варианты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV актъ до неузнаваемости, отшлифовалъ самого Иванова—и такъ замучился, до такой степени возненавидѣлъ свою пьесу, что готовъ кончить ее словами Кина: „Палками Иванова, палками!“ Нѣтъ, я завидую Жану Щеглову. Я понимаю теперь, почему онъ такъ трагически хохочетъ. Чтобы написать для театра хорошую пьесу, необходимо имѣть особый талантъ; можно быть прекраснымъ беллетристомъ и въ то же время писать сапожницкія пьесы; написать же плохую пьесу и потомъ стараться сдѣлать изъ нея хорошую, пускаться на всякіе фокусы, зачеркивать, приписывать, вставлять монологи, воскрешать умершихъ, зарывать въ могилу живыхъ—для этого надо имѣть талантъ гораздо большій. Это такъ же трудно, какъ купить старые солдатскіе штаны и стараться во что бы то ни стало сдѣлать изъ нихъ фракъ. Тутъ не то что захохочешь трагически, но и заржешь лошадю.

„Ивановъ“ сыгранъ.

„Петербургская Газета“, — пишетъ Чеховъ, — извѣщаетъ, что моя пьеса призна-

на „прекрасной драматической повѣстью“. Очень пріятно. Значитъ, что-нибудь изъ двухъ: или я плохой драматургъ, въ чемъ охотно расписываюсь, или же лицомъры всѣ тѣ господа, которые любятъ меня, какъ родного сына, и умоляютъ меня Бога ради быть въ пьесахъ самимъ собою, избѣгать шаблона и давать сложную концепцію.

Вѣчно скромный, Чеховъ скромнѣйшаго о себѣ мнѣнія, какъ о драматургѣ.

Пьесъ не стану писать. Если будетъ досугъ, то сдѣлаю что-нибудь пуръ-манже, но осень и зиму буду отдавать только беллетристикѣ. Не улыбается мнѣ слава драматурга.

И сколько прелести въ добродушномъ подшучиваніи Чехова надъ собой:

Недавно я обѣдалъ у Ермоловой. Цвѣточекъ дикій, попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой, сталъ душистѣе отъ хорошаго сосѣдства. Такъ я, пообѣдавъ у звѣзды, два дня потомъ чувствовалъ вокругъ головы своей сіяніе.

Вотъ его отзывъ объ А. П. Ленскомъ въ роли „Отелло“.

Вчера смотрѣлъ я Ленскаго — Отелло. Билетъ стоилъ 6 р. 20 к., но игра не стоила и рубля. Постановка хорошая, игра добросовѣстная, но не было главнаго — ревности.

Это „по-чеховски“: коротко и мѣтко.

Но почтенный артистъ можетъ утѣшиться. Чеховъ высоко цѣнилъ г. Ленскаго, — и похвалы ему въ другихъ роляхъ рассыпаны въ письмахъ.

Суворинъ теперь въ Москвѣ. Ставить свою „Таню“. Ленскій играетъ Адашева изумительно.

Ленскій страстенъ, эффектенъ и необычайно симпатиченъ. Это хорошо. Публика должна видѣть журналистовъ не въ карикатурѣ и не въ томительно-умной да-выдовской ободочкѣ, а въ розовомъ пріятномъ для глазъ свѣтѣ.